

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА «ТОПОНИМ ЖЕНСКОГО РОДА + ЭПИТЕТ СЧАСТЛИВОЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Данные поэтического подкорпуса НКРЯ позволяют утверждать, что с начала XIX в. в русской поэзии закрепляется поэтическая формула указания места, включающая топоним женского рода и инверсированный эпитет *счастливой* в зоне рифмовки (холостой стих встречается один раз). Обнаружено 19 употреблений, к которым следует присоединить несколько сходных по структуре конструкций с заменой топонима нарицательным существительным.

Формула появилась в «Надписи на гробе пастушки» К. Батюшкова (1810): *И я, как вы, жила в Аркадии счастливой*. Этот оборот закрепился благодаря басне И. Крылова «Волк и кукушка» (1815): *О, я прямехонько иду / В леса Аркадии счастливой*, где приведенную строку можно расценивать как намеренный выпад «шишковиста» Крылова против ставшего участником Арзамаса Батюшкова. Формула была популярна в первой трети XIX в. и снова стала востребованной на рубеже XIX–XX вв. О восприятии словосочетания как устойчивой формулы уже в 1824 г. говорит фрагмент из поэмы В. Филимонова «Дурацкий колпак»: *Я весело, щастливо жил / В моей Германии щастливой!* Неуместный повтор и просторечная орфография подчеркивают избитость фразы.

Хронологически первые сочетания со словом *Аркадия* заложили устойчивую тенденцию. Во-первых, формула, как правило, включала топоним, связанный с античностью, ее наследием или, в случае переносного толкования, идиллическим пространством. В качестве определяемого слова выступали *Греция* и *Италия* (каждая трижды), *Эллада* (однократно). Во-вторых, в качестве топонима часто фигурировали не официальные географические названия, а поэтизмы (таковых 8 из 19 примеров, и они не отражаются как словосочетания с топонимами в НКРЯ). Кроме трижды упомянутой Аркадии, античные истоки обнаруживаются в наименованиях *Авзония*, *Мизия*, *Гесперия*, на Флоренцию указывает перифраз *столица Медичи*. Из этого ряда выделяется, в силу более позднего происхождения, поэтизм *Гельвеция*.

Аналогичных по структуре конструкций с топонимом и эпитетом *прекрасной* в поэтической подкорпусе НКРЯ было обнаружено 15, наиболее частотны сочетания с теми же названиями *Италия* и *Греция*, но исторические наименования, воспринимаемые как поэтизмы, использованы только дважды (*Финикия* и *Иония*).

Перенос атрибуции *счастливая* на исламские страны осуществляют А. Пушкин и М. Лермонтов. В «Кавказском пленнике» Пушкина черкешенка *Поет ему и песни гор, / И песни Грузии счастливой*. Юный Лермонтов именуется счастливой Персию и Испанию (очевидно мавританскую). В этом можно увидеть следствие перестройки эстетики с классицистической и

сентиментальной на романтическую. Однако поиски идеального места вне античного мира продолжит только А. Блок в «Песне Офелии» (1899) (изменив размер стиха): *Там, за Данией счастливой, / Берега твои во мгле...*

Отметим, что тенденция включения в конструкцию с эпитетом *счастливой* отчетливо экзотического образования была очевидна для писателей. В прозе XX в. встречаем два примечательных случая обыгрывания формулы. Ю. Готье пишет в «Дневнике» (1921): *Сегодня был у меня эстонец, привезший поклон от Л. И. Львова, наконец благополучно выбравшегося из Совдепии счастливой.* К. Паустовский, описывая путешествие в Соликамск, сообщает: *«В лесах Биармии щастливой» находили много драгоценных камней.* Перед нами двойное отражение формулы через посредничество поэмы В. Филимонова (о чем говорят кавычки и написание *щастливой*). Но эффект стилизации укрепляет также легендарное наименование, превращенное в поэтизм.

Очевидна связь исследуемой формулы с метром и размером. Большинство стихотворений, включающих оборот, написано ямбом (или метр используется хотя бы в строке, содержащей фразу). Чаще всего поэты обращаются к четырехстопному ямбу. Характерно предпочтение морфологической рифмы – другого инверсированного прилагательного. Но трижды повторяется неточная рифма *счастливой – оливой*, вероятно вследствие актуализации семантической связи с античностью.

К вариантам исследуемой формулы следует отнести и фразы, в которых указание на место происходит с помощью нарицательного существительного. С середины XIX в. до его конца формула «слово со значением места + эпитет *счастливый* в рифмующейся позиции» служит указанием на благодатный юг в противовес описанию русской северной природы. На фоне сложившихся семантических связей отступления от схемы явно намеренны. Так, у Н. Минского наделение своей страны эпитетом *счастливый* возможно только в будущем: *В тот век и мне от родины счастливой / Венец, быть может, дастся как тебе...* Хотя и эта мечта окрашена иронией. Почти саркастически поэтическая формула звучит у И. Дегена (1944): *Ну, все, – решишь, – отныне буду жив / В пехоте, в безопасности счастливой.*

Фразы «топоним + прилагательное – антоним к слову *счастливый*» не складываются в формулу. Эпитет *несчастный* свободно сочетается с наименованиями любых европейских стран. Тогда как эпитет *печальный* воспринимается в неразрывной связи со стихотворением А. Пушкина.